Уверенность.

В прошлом было время, когда я давал уроки людям. Это было неловко, учитывая мои навыки, но было довольно много нормальных людей, которые хотели научиться петь в качестве хобби. Грубо говоря, я преподавал им основные навыки и получал за это деньги.

Когда я тренировал других, не зная, что мне делать, много людей мне за это платило. Они учились у меня, и была одна вещь, которую я говорил всем своим ученикам.

Пойте с уверенностью.

Люди, нанимающие меня, всегда говорили это:

– Ну... это потому, что я не умею хорошо петь, поэтому у меня и нет уверенности.

Тогда, я бы ответил:

– Именно потому, что у тебя нет уверенности, ты и не умеешь хорошо петь.

Потому что у вас нет уверенности в себе, вы не расширяете свой рот и открываете его лишь совсем немного, но этого размера недостаточно даже для курицы, желающей издать громкое "кококо". А поскольку вам не хватает уверенности, вы говорите тонко и звук не затрагивает глубин души.

Нуб, который может только прямо стоять, когда всё правильно сделано, режет углы. Не так ли? Чтобы стать хорошим вокалистом, необходимо просить слишком многого.

Вот насколько важна была уверенность в себе в пении.

Тогда как же нам обрести эту уверенность?

– ... Мне действительно нужно петь здесь?

– Ну да.

Хан Та Сом уставилась на меня с бледным выражением лица. Её обычная белая кожа стала ещё белее и напоминала призрачное яйцо.

Она ведь дрожит вовсе не потому, что в марте слишком холодно, правда?

С усмешкой я оглядел окрестности и обнаружил довольно много студентов, которые двигались вокруг с сумками.

Это было утреннее время для студентов, чтобы подготовиться к урокам.

Фасад главного здания был заполнен студентами, которые сновали туда и обратно. Мы стояли чуть в стороне от входа, и люди, проходившие мимо, смотрели на нас глазами, которые говорили: "что они там делают?".

Место, заполненное таким количеством людей.

В том месте…

Мы собирались петь вместе.

– Юнчэ…

Лёгкий способ обрести уверенность в себе во время пения, было очевидно, что для того, чтобы заполучить её, необходимо было выступить на сцене хотя бы несколько раз. И если рядом не было такой возможности, вам просто нужно было её создать.

– Причина…

Скрестив руки на груди и повернувшись к Хан Та Сом, я увидел, что она мрачно смотрит на меня. После ворчания о том, что это был первый раз в её жизни, когда она пела перед таким количеством людей, девушка спросила:

– … Делая это сегодня, ты действительно сделаешь пение лучше, верно?

– А кто его знает? Если это не сработает, то мы будем продолжать, пока это не произойдёт.

– …

Хан Та Сом посмотрела на меня с негодованием.

– Разве это не похоже на церемонию вызывания дождя, – пробормотала она, по-видимому, не веря в эффект этого метода обучения.

Как грубо, это был метод обучения, который был доказан не кем иным, как мной.

Тск-тск-тск, я щёлкнул языком и посмотрел на Хан Та Сом, когда внезапно вспомнил всё, что произошло в прошлом – дни, когда я практиковался с учителем Квак Чон Су.

Тогда я тоже так дрожал.

Но что теперь?

Резко повернув голову, я встретилась взглядом с другим студентом, который смотрел в эту сторону. Его глаза говорили: "Кто эти чудаки?" – но когда я посмотрела на них так, словно это было состязание взглядов, он первым отвёл глаза.

Пожав плечами в знак того, что это моя победа, я повернулся и увидел, что Хан Та Сом ошарашенно смотрит на меня.

Ну вот, теперь я стал таким же искателем внимания.

Я был таким же, но просить Хан Та Сом быть таким же было бы слишком. Чтобы ослабить напряжение девушки, я повернулся и посмотрел прямо на неё.

Её съежившаяся осанка казалась жалкой.

– Та Сом.

– Угу…

Глядя в её дрожащие глаза, я открыл рот:

– А о чём ты мечтаешь?

– Мечтаю? – она сделала вопросительное выражение лица.

Ах, это было слишком неожиданно? Я почесал в затылке и посмотрел вперёд, чтобы увидеть деловито идущих студентов. Некоторые из них были только на первом курсе средней школы, но уже преследовались неумолимым временем.

Некоторые студенты несли кучу инструментов визуального искусства, а некоторые смотрели танцевальные видео даже во время ходьбы. А ещё были те, кто носил инструменты больше, чем их тела со страстными взглядами в глазах.

Зачем же они так стараются?

Открыв рот, я медленно заговорил о своём собственном желании:

– Когда я пою, у меня что-то застревает в горле, как будто у меня пересыхает горло. Ах, было бы лучше, если бы резонанс был немного больше здесь. Ах, я хотел поставить здесь лучшее вибрато; и ах, я хочу петь просто немного лучше – вот чего я желаю.

Протянув руку, я устремил её в небо.

– И наконец, петь песню без этой жажды – совершенная песня, это моя мечта. Вот почему я так стараюсь: достичь этой мечты? У тебя должен быть какой-то повод петь на холодном утреннем ветру, чтобы не чувствовать себя неоправданным, верно?

– А? Ну…

– …

Я повернул голову и увидел, что Хан Та Сом смотрит на меня.

– А о чём ты мечтаешь?

Её зрачки втянулись, когда расслабленное выражение лица стало напряжённым, а радужка вновь обрела свои цвета. С ещё более резким выражением лица Хан Та Сом смотрела прямо на меня.

Затем она медленно открыла рот и произнесла:

– Я… хочу гордо петь перед людьми.

Гордое пение, да.

У неё есть довольно тяжёлая мечта.

С усмешкой я взял её за подбородок своей рукой. Когда я надавил на её две надутые щёчки, рот девушки надулся, как у карпа. Глядя на широко раскрытые глаза Хан Та Сом, уставившейся на меня, я заговорил:

– И кто-то такой дрожит, как желе, потому что не может петь? Мы начинаем через пять секунд. Вивальди, Глория, часть одиннадцатая. Приготовься.

– Мммм??

Отпустив её щеки, я одновременно начал дирижировать другой рукой, и Хан Та Сом с испугом резко вдохнула.

– Три! Два! Один!

Беззаботно я повысил голос и начал пение.

Вивальди, Глория, часть одиннадцатая.

Страстно.

– Quaniam tu solus sanctus!

– Quaniam tu solus sanctus…

Её медленный голос, ползущий сзади, был довольно слаб, но я продолжал петь, не слишком заботясь об этом.

– Quaniam tu solus sanctus!

– Quaniam tu solus sanctus…

Глаза студентов остановились на странной сцене перед главным входом.

Первоклассники, второклассники и третьеклассники. Отделение изобразительного искусства, танцевальное отделение и музыкальное отделение.

Все они замерли.

Проходящие мимо студенты посмотрели на нас и наклонили головы, в результате чего лицо Хан Та Сом покраснело.

Это бы тебя ещё больше смутило.

Посмотри на меня. Если ты поёшь, не слишком заботясь о песне, люди также не очень заботятся о твоём исполнении и уходят. Может быть, они скажут: "те ребята из оперного факультета, которые ищут внимания, опять взялись за дело", но если бы мы пели неуверенно, то получили бы только глаза, которые спрашивали бы, что мы делаем.

Ударив её в бок, я закричал.

– Громче! Tu solus Dominus!

– Tu solus Dominus…!

Хан Та Сом крепко зажмурилась и закричала. Айя она забыла правильно петь. Пение громче не означало принуждения к крику, но увеличивало резонанс.

Я пожал плечами и подумал о следующем куплете в своей голове. Во-первых, я не ожидал, что её проблема будет решена через день. Потому что мне также потребовался по меньшей мере месяц тренировок, чтобы сформировать стальную пластину под моим лицом.

Но что касается дирижирования песней, то я сделал это правильно.

– Меньше! Tu solus Altissimus…

– Tu solus Altissimus…

Вивальди, Глория, часть одиннадцатая.

Ключевым моментом этой песни была динамика.

Громкий-мягкий, сильный и слабый. Когда шепчущий голос вдруг становился громче, люди чувствовали мощный катарсис. Этот самый важный момент, и этот один мягкий и нежный стих должен был быть уверенно освещён Хан Та Сом.

Только с прекрасным голосом лирического сопрано, которое поднесёт эту всеобъемлющую мягкость, песня будет рассматриваться как лучшая песня.

Когда я взглянул на Хан Та Сом, возможно, крик из прошлого помог ей немного расслабиться, но она выглядела лучше, чем раньше. Я услышал, как нежный тембр девушки слегка выполз наружу, и улыбнулся.

– Jesus Christe!

– Jesus Christe!

Прощальные приветствия.

Легко закончив последний куплет, я опустил голову, и Хан Та Сом поспешила сделать то же самое. Когда я снова поднял голову, то увидел, как несколько студентов, которые с любопытством наблюдали за мной, апатично возвращающимися к своим собственным курсам.

Ну, это была совершенно нормальная реакция

По крайней мере, сейчас.

Я кивнул, думая об этом, когда внезапно раздались аплодисменты.

– Браво!

Повернувшись, я увидел молодого человека, стоящего там, и, подняв глаза к его лицу, я увидел знакомое лицо. Красивое лицо, благородный голос и постоянно закрытые глаза. Но даже тогда эти глаза смотрели прямо на меня, а рядом с ним стояла женщина-помощница.

http://tl.rulate.ru/book/39225/1003336